

Алексей Югов

РАТОБОРЦЫ

*Историческая эпопея
в двух книгах*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ю 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации Петра Алякринского

Югов А.

Ю 15 Ратоборцы : Историческая эпопея в двух книгах / Алексей Югов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 608 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29147-8

С момента первой публикации в 1949 году историческая дилогия «Ратоборцы» выдержала более двадцати переизданий. Посвятив два десятилетия изучению периода «отрочества и ранней юности» российского государства, писатель, журналист, исследователь древнерусской литературы Алексей Кузьмич Югов сумел создать выразительные, объемные и живые образы двух исторических деятелей, беспримерно значимых для истории Руси: Даниила Галицкого и Александра Невского.

В годину суровых испытаний довелось встать у кормила власти князьям Даниилу Романовичу и Александру Ярославичу: вторжение войск Золотой Орды положило начало тяжкому бремени ига, жестокому разорению поселений и столетиям горькой зависимости. Непокойно и на западных рубежах, откуда наступают полки искусных воинов-крестоносцев... По-разному видится князьям благо для Русской земли, но в главном они заодно: сколько бы испытаний ни было ниспослано на ее многострадальные просторы, «крепка Русь — все переборет».

В повествовании Югова — лирический портрет древней Русской земли, своеобразие зодчества, очарование народной поэзии, богатство языка, обычаи, обряды, ритуалы, — знания о них почерпнуты из многолетнего изучения исторических источников. Но также — неизменная веками прелесть русских пейзажей и, в событиях давно минувших дней, отзвуки войны, лишь вчера пережитой современниками.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-29147-8

© А. К. Югов (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2025
Издательство Азбука®

КНИГА ПЕРВАЯ

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

Крепка Русь — все переборет!

*Древняя
карпато-русская поговорка*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К лето нашего исчисления 1245-е, на исходе июля, огромное, громоблистающее доспехами, сверкающее красками многоцветных одеяний, многоплеменное воинство короля мадьярского Бэлы двумя чудовищными потоками перехлестнуло Карпаты и крепко облегло Перемышль.

— Угры идут!.. — Угры в Гору вступили!.. — Угры через Горбы¹ перешли! — так, от вершины к вершине, от одного русского горного села к другому, сперва огнем и дымом костров, зычным звуком гуцульской, в рост человека, пастушьей деревянной трубы, а там уже и нарочными — вершниками, насмерть загонявшими сменных коней, — мчалась весть о мадьярском вторжении.

¹ Гора и Горбы — древнерусские названия Карпат.

Князь Данило Романович был в то время в Холме, в своем излюбленном граде, который сам создал и дивно измечтал — и домами, и великими башнями, и храмами.

Пособником князю в том был простой человек, некий «русский хитрец Авдей», великий зодчий, каменотесец, ваятель, живописец и градодел.

Здания, им созданные, и величием и красотой не уступали творениям древних. Созидал он их из камня тесаного — галицкого белого, зеленого холмского и из мраморов багряных.

Город, светившийся золотом куполов, стал на месте прекрасном, лесистом, на огромном холме, оттого и «Холм да будет имя ему!» — сказал князь. Отовсюду приходили к нему строители городов, градоделы — каменотесы и плотники. И мастеров разных множество — умельцев — стекалось к нему: и панцирники, и кольчужники, и кузнецы — по железу, серебру, меди; а и такие, что умели строить осадные тараны и камнеметы. И с Запада бежали, из чужих стран, больше же всего от татар уходил народ, с Востока: до Карпатской Руси тогда еще не досягало ордынское иго. Даниил не платил еще дани татарам. И народу у него жилось куда вольготнее, чем во Владимире, Суздале или в Нижнем Новгороде...

На другой же день по вторжении венгров Даниил созвал чрезвычайный военный совет. Поднятые затемно, отнюдь не изумились тому ни Андрей — «дворьский великий»¹ и воевода, ни Кирило — хранитель печати, канцлер, ни Мирослав — престарелый дядько-воевода: ведомо было им, что и в том князь их истый Мономахич: «Да не застанет вас солнце на постели!»

Ожидать не пришлось: князь скоро вошел — такой, как всегда: высок, строен, широк в плечах, сдержанно-стремятелен.

Темные, с золотизной и кое-где с блеснувшей раннею сединою, волнистые волосы Даниила, чуть раздвоенные над лбом, сзади ниспадали почти до плеч. Небольшая, слегка кудрявившаяся по краям борода была подстрижена.

¹ *Дворский* — чин древней Киевской Руси, едва ли не самый высший.

На князе его обычная, излюбленная одежда: тонкого синего сукна княжий плащ — кóрзно, подбитый алым дамаским шелком, застегнутый на правом плече золотой застежкой, так что свободной оставалась правая рука. Под плащом, поверх широкого кожаного пояса, — расшитая, синего сафьяна, короткая безрукавка, расстегнутая на груди, что из века в век носят русские горцы в Карпатах. Рукава бледно-розовой сорочки на запястьях застегнуты за́понами крупного жемчуга. Синие широкие русинские шаровары охвачены у колена гибкими, облегающими ногу сапогами желтого хоза, без каблуков, на мягкой подошве. Слева, на кожаной, через плечо, перевязи, меч отца, деда, прадеда — меч Романа, Мстислава, Изяслава.

Князь велел боярам садиться.

Голос его был просторен и благозвучен.

Множество больших восковых свеч в двух бронзовых свечниках на столе и в двух настенных, потрескивая и оплывающая, ярко озаряли палату.

Райские птицы радости и печали — Алкóност и Сирин — с женскими головами, Александр Македонский на грифонах; голуби, и лилии, и просто арабески — травы по золотой земле, тем же великим мастером сотворенные из разноцветного стекла и египетской эмали, дивно изукрашали стены.

Прямо напротив князя, на стене, разноцветным же стеклом выложенный, величиною в столешницу большого стола, — чертеж Волыни, Галичины, Буковины и Поднепровья — вплоть до Русского моря.

Реки большие: Днепр, Днестр, Дунай, Висла-река, и Неман, и два Буга — Южный и Западный — проложены на том чертеже золотым извилистым дротом, реки помельче — тонкой золотой проволокой.

Киев и города червенские: Галич, Перемышль, Владимир-Волынский, Грубешов, Дрогичин и, оба Даниилом созданные, Львов и Холм — означены крупными рубинами.

— Молвите, бояре, — сказал, взглянув на глухие завесы окон, князь Даниил.

И совет начался.

Было известно, что венгры ввалились на Галичину двумя ратями, пройдя Карпаты через двои ущелья — близ Синеводского и возле Лелесова монастыря. Означало ли это, что одна из тех армий двинется к Галичу — на юго-восток, а другая — к северо-востоку, на Владимир-Волынский?

— Нет! — единодушно подали голос все трое великих мужей княжих. — Сперва на обхват Перемышлю пойдут, а либо — к Ярославу.

— И я так же думаю, — молвил князь. — На Галич пострашатся пойти: Холм — в тылу! Та-ак! — проговорил он в суровом раздумье и гневно сдвинул брови. — А давно ли крест со мною целовал, грамоты крестные со мною писал? Бэла-рэкс!¹ — добавил он, усмехнувшись.

— Тут Ростислав баламутит, Михайлович! Это он тестя своего, Бэлу-короля, навел на нас... Ольгович! — с презрительно-скорбным вздохом сказал дебелый и ветходневный Мирослав — воевода и некогда воспитатель самого князя.

Даниил все еще старался перебороть клокотавший в нем гнев. Он щурил свои большие золотисто-карие глаза и в то же время большим пальцем левой руки, опертой на подлокотник кресла, слегка заглаживал кверху край бороды.

— Что ж! — наконец проговорил он. — Приятеля нашего Бэлу можно уразуметь: *divide et impera*!² Но Ростислав кто, чтобы мадьяр на отечество наводить? Олега Гориславича семья! — сказал с горькою усмешкою Мономахич. — И ведь что творят! Еще же и Батыевой рати оскомины не сошла!.. Ну... стало быть, меч нас рассудит! — решительно заключил князь и встал.

Поднялись и бояре.

Еще раз, кратко и властно, отдал он им приказанья по войску, легким склонением головы ответил на их поясной, глубокий поклон и отпустил.

А войска под рукою у Даниила на тот час было мало. Враг же велик силою, яр и нагрянул вероломно.

¹ Рэкс — царь, король (лат.).

² Разделяй и властвуй! (лат.)

Было время петь петухам, когда трое полномочных послов князя Галицкого поскакали в три разные стороны.

Первый — в Мазовию, сказать князю польскому Конраду: «Сын мой и брат! Я помогал тебе много, мстя за обиды твои. А от вас мне помощи не было. Ныне же Болеслав Краковский ляхов своих шлет в помощь к мадьярам противу нас за то, что я помогал тебе. А полезай же, брат, на коня!»

— А не могут сами если пойти, — наказывал князь послу своему, — ать¹ полки свои пустят!

Второй посол был в Литву, к Миндовгу. И властелину литовскому были те же слова: «Брат! Ты обещал нам помощь. Время сесть на коня! Самого тебя не зовем, но пусти нам помочь — либо с меньшою братьею, а либо с воеводами своими. И не медли, но поезжай, не стряпая!² Не забывай своего слова!»

Третьим послом был сам держатель печати, канцлер Кирило. Он мчал к Перемышлю, опережая русские войска, прямо в стан полководца мадьярского Фильния, одного из знатнейших баронов венгерских.

В пути канцлеру князя Галицкого стало известно, что Перемышль взят на щит армией венгров с поляками Болеслава, которых навел из Кракова на Червонную Русь все тот же Ростислав Михайлович Черниговский, зять короля венгерского Бэлы. Стало известно, что враг, перейдя на сю сторону Сана, двинулся вниз по реке — на Ярослав.

И все же таки надлежало попытаться переговорами приостановить вторжение, заключить мир, а если уж не к тому пошло, то задержать врага сколь возможно, доколе пришлют помощь Конрад и Миндовг, если же не пришлют, то до тех пор, пока успеет прийти к Даниилу младший брат Василько со своими волынцами.

Город Ярослав — еще Владимиром Киевским Великим ставленный город в честь и во имя сына его Ярослава на левом берегу мутнотекущего Сана, на отрогах и увалах Карпат. Город-сторож!

¹ Ать — пусть, пускай (др.-рус.).

² Стряпати — медлить, мешкать (др.-рус.).

Знал про это Данило Романович! Всякий раз подымал он и сызнава отстраивал многократно дотла чужеземными полчищами уничтожаемый город.

Каменные толстые стены и дубовые заборолы на них вкруг Ярослава кое-где успели возвести высотой выше трех сажен, а где — и рукою с коня достать.

Ростислав с поляками Болеслава, движась на соединение к Фильнию, попытался было взять город нахрапом, но был отбит, и великий урон был в его полках, и отступил с великим бесчестьем.

Теперь, уже в составе мадьярской армии, Ростислав снова двинулся на облогу Ярослава.

Шли венгры в силе тяжкой, великое множество.

Страх и ужас упал на город. И храбрые иные смутились умом.

...Было знойно. Воздух стоял чист и прозрачен. Далеко, в знойном мареве, виднелись лениво-отлогие увалы Карпат, поросшие сизым непроходимым бором.

— Вёдро... теплынь... благодать... — со вздохом промолвил боярин Кирило, осаживая на белом прибрежном песке стряхивавшего брызги воды вороного коня.

Только что под охраной небольшого отряда младшей дружины посол Даниила бродом перешел мутный Сан — мостов не было: их приказал пораскидать Фильний.

— Упомните, други, где тут брод! — велел своей охране посол.

Он сошел с коня. Дружинники развьючили поводных лошадей и раскинули на песке небольшой ковер. Поверх ковра они положили седло, чтобы сесть боярину, и помогли ему снять дорожную и облачиться в посольскую одежду: голубой шелковый кафтан, а сверху малинового цвета широкий мятель — подобие мантии. Боярин Кирило переобулся в сафьяновые узорные сапоги с золотыми шпорами, огляделся в круглое серебряное зеркало, что держал перед ним дружинник, расчесал гребнем слоновой кости благообразную седую бороду, поправил горностаем отороченную багряно-желтого ры-

того бархата округлую шапочку на белой челастой голове — и тогда только съизнова сел на коня.

— А посмотрим по месту, что нам Бог явит! — проговорил он.

Первым от реки стоял отдельно раскинутый лагерь Ростислава. После вчерашней попойки с венграми Ростислав проснулся не в духе. Он сидел у входа в шатер на складном, с подлокотниками, ременчатом стуле, в одной белоснежной шелковой сорочке, заправленной под синие шаровары, в мадьярских кавалерийских сапогах со шпорами.

Рукава сорочки были далеко завернуты на смуглых сильных руках. Князь сидел, наклоня голову, а его паж, мальчик лет четырнадцати, бережно, понемногу, лил ему из серебряного кумгана холодную воду на черноволосый, коротко остриженный затылок.

— Довольно, друже! — сипловатым голосом проговорил Ростислав Михайлович, протягивая руку за расшитым полотенцем и поднимая лицо.

Князю было не более тридцати. На красивом, смуглом, бритом лице торчали небольшие усы, на кончиках напояженные.

Неслышно ступая по траве, к нему подошел угрюмый телохранитель-гуцул и, поклонившись, промолвил:

— Княже, господине! Посол брата твоего, Данила-князя, приехал до тебя, господине!

Ростислав сумрачно ухмыльнулся.

— Иди расспроси его, с чем приехал! — приказал он и, словно бы ища одобрения своему необычному и для посла заведомо оскорбительному приказу, глянул на близ стоявших дружинников и венгров.

Телохранитель не двинулся.

— Княже! — упрямо повторил гуцул. — А хочеть только тебе молвити: с речами приехал.

— Ать молвит! — раздраженно сказал Ростислав. — Зови!

Посол Даниила в сопровождении двоих дружинников, которых он, однако, повелительным мановеньем руки оставил

поодаль, величественной поступью приблизился к Ростиславу и поясным поклоном, но молча приветствовал его.

Тот, откинувшись, смотрел на него и ждал. Ждал и посол — ждал, что князь пригласит его в шатер, но тщетно: Ростислав щурился и молчал.

Тогда приближенные Ростислава да несколько мадьяр и поляков, а там, глядя на них, и простые ратники — руснаки, которых понудил к себе Ольгович, — начали мало-помалу обступать отлогую поляну перед входом в шатер.

И, увидав это, боярин Кирило заговорил в полный голос — «и нача посольство правити».

— Буди здоров, княже Ростиславе! — сказал он. — Князь наш и господин, а брат твой, Данило Романович, на первое тако повелел спросити: «Сыновец¹ мой здоровье ли?»

Посол остановился.

— Спасибо! — дернув бровью, явно тяготясь обычаем предстоящих переговоров, отвечал Ростислав. — Добре здоровы.

Посол продолжал:

— А еще так велит молвить тебе князь наш и господин: «А доколе мы хотим Русскую Землю губить? Мы есмы все хрестьяне, одна братья, — подобает нам всем быти за единое сердце?!» А что отмолвишь, княже, на то брату и дяде своему?

Ростислав нетерпеливо постегивал сыромятною плетью по голенищам сапог.

— Молви дале, что тебе велено, — с неприязнью и нетерпением проговорил он.

Взгляд его устремился поверх головы посла: по-за кругом, неслышно подъехав, высился над толпою рыцарь; то был Фильний.

На знаменитом полководце венгерском сверкала стальная кираса, поверх нее — багряного шелка плащ. Шлем был снят, — его держал бережно, обеими руками, юный паж, стоявший слева, у стремени.

¹ Сыновец — племянник (др.-рус.).

Барону Фильнию было за пятьдесят. Смуглое, жесткое и надменное лицо. Морщинки — гусиными лапками — возле глаз, на висках. Короткие, черные, ерошкою, волосы и черные до глянца, прямые, торчащие в сторону и лишь на кончиках закрученные кверху усы. Бритый, усохший подбородок.

Посол продолжал:

— А еще так молвит тебе мой князь: «Пошто без моей вины землю мою повоевал и села мои пожег? Пошто с тестем своим, королем Угорским, Перемышль у меня отъяли? То ли возмездье мне творишь за добро мое и правду?» Не помнишь ли, когда Бэла-король изгнал тебя из земли твоей вместе с отцом твоим, как прияли тебя князь Данило и князь Василько? И еще так велел сказать к тебе князь: «Я тебе в отца был место! Я тебя из Ляхов вывел, когда утек ты от Батыгидаря. Я тебе город Луческ дал. И отца твоего во великой чести держал. Отца твоего я звал у Киеве сидеть. А он того не захотел, страха ради татарского. А ты Луческа опять же не захотел. Моей вины в том нет! А Галича ли у нас ныне отъяти хочешь? Но то моя отчина, а не твоя. А ты поезжай в свой Чернигов!»

Ростислав потемнел, будто осенняя ночь.

Посол, еще более возвыся свой голос, продолжал:

— «И ныне, — так мой князь молвит, — уходи прочь, и с мадьяры своими! Но ежели хочешь под моей отцовской рукой ходить, то вот тебе Луческ. А приезжай, — молвит, — ко мне, и сами с тобою уладимся». Ото все тебе молвил. И еще — на последнее: сам ведаешь, легкосерд князь наш, Данило Романович, и милостив. А только не супорствуй, княже, не будь нёслух! Не утаив говорю: напрягл ты тетиву гнева его донельзя крамолою своею — мадьяров наведя на отечество! Отпусти чужеземцев — ать идут к себе, за Горбы!

Посол Даниила смолк. Страшная наступила тишина. Бояре венгерские и поляки и ратники Ростислава стояли не шелохнясь, не дыша. Мадьярский полководец, так же в полном молчанье слушая речи посла, ожесточенно крутил ус.

Все ждали, что отомлвит Ольгович. Ростислав гордо откинул голову и сказал:

— Так скажи князю Данилу: «Под рукою твоею не могу ходити. И Луческ мне из твоей руки не надо, понеже не твоею милостью, но копьем взят будет! А такоже — и Галич!»

— А чьим копьем, княже, не иноплеменных ли? — спокойно возразил посол князя Галицкого.

Ростислав не сразу нашелся.

— А там увидемо! — в сердцах вскричал он. — А что — Черниговский, то сегодня я — Черниговский, а завтра Киевский. А ныне — ни мира даю, ни отступаю! А ты дóсыть молвил! Ныне же ступай прочь! Когда за рекою Саном будешь, то там вся твоя правда будет! А меня ждите в Галиче!

Исход посольства был ясен.

И боярин Кирило, усмехнувшись, ответил:

— То будет, коли камень начнет плавати, а хмель тонуть!.. Тогда и ты будешь в Галиче!

Ольгович побагровел и, опершись о поручень кресла так, что сломал его, вскочил на ноги.

И в это время над толпою послышался резкий, скрипучий голос барона Фильния.

— Остриги ему бороду! — по-русски произнес он.

Толпа расступилась. Фильний слегка подался конем.

Ростислав, задыхавшийся в ярости, протянул руку, молча показывая ею, чтобы ему подали ножницы.

Паж опрометью кинулся в шатер.

Кирило сдвинул брови и тяжело задышал.

— Княже! Отступи своего безумья! — проговорил он, и рука его легла было на крыж меча. Но он тотчас же ее и отвел. — Ты надо мною не волен! — гневно произнес он. — И смеешь ли ты седины мои бесчестить?!

И, не обращая более вниманья на Ростислава, он повернулся лицом к венгерскому полководцу.

— Пресветлый ритарю и бароне! — сказал он. — Тако ли достоин посла принять? Таков ли есть обычай короля вашего?

Фильний насупил брови. Левая рука его перебирала поводья. Однако смолчал.

И тогда посол сказал:

— И королю, брату своему, тако велит молвить царь¹ наш и князь: «Брат! Чем я тебя переобидел? Пошто же ты целованье крестное порушил и Перемышль у меня отъял? Вспомни, что Гомер мудрый пишет: «Ложь до обличения сладка, а кто в ней ходит — конец злой примет!»

— Болонд (сумасшедший)! — гневно пробормотал по-мадьярски Фильний, все еще сдерживаясь.

А боярин Кирило закончил так:

— «Не стойте, — так говорит князь наш, — на нашей земле, ни жизни нашей, ни сел наших не губите! Но возьмите с нами мир! Было так и прежде дедов наших, и при отцах наших: мир стоит до войны, а война — до мира!»

Полководец мадьярский высокомерно усмехнулся и качнул головой.

— Мир? — как бы переспросил он, продолжая по-русски, затем похлопал левой рукой по рукояти сабли и вслед за этим вытянул эту руку ладонью вверх, как бы покачивая на ладони нечто тяжелое. — Железо! — коротко изрек он по-мадьярски. — Или — золото!

— Тако ли молвишь? — сдерживая гнев, отвечал Кирило. — Или мало тебе того золота, что ты с воеводы галичского, Михайлы, снял, — трои цепи золотые, — когда в плен его взял, а пленного убить велел?

— Ложь! — яростно вскричал Фильний. — Раб! — И предводитель венгров, почти вплотную наехав на боярина, поднял над его головой плеть.

Тот не дрогнул, не отступил.

Ропот против Фильния послышался не только между руснаками — телохранителями Ростислава, но и среди поляков, но и между самими уграми.

— Грех!.. Мерзость!.. Русский мудрый старец!.. Храбрый! — доносилось со всех сторон до ушей мадьярского полководца.

Фильний выругался, но вынужден был опустить плеть.

¹ Уже в XII веке некоторых русских князей титуловали «царь».

— Читт (молчать)! — крикнул он на своих. — Чернь! — злобно бросил он полякам и русским, поворотил коня и, сшибая с ног тех, кто не успевал сторониться, поскакал в лагерь венгров.

Более ста двадцати верст, кладя по прямой, отделяют Ярослав от Холма — всего лишь полтора перехода Данииловых!

Однако на сей раз Данило Романович сам сдерживал войско: у князя было только три тысячи конных и пять сот пешцев. А нельзя было обезлюдить ни Галича, ни Понизья¹.

Не замедлил, пришел с дружиною брат Василько из Володимера; был же тот Василько и умом силен, и дерзновеньем...

Решили пообождать обратных послов — от Конрада и Миндовга. Они вскоре прибыли. «Отец! — велел сказать Даниилу Конрад, князь польский. — Я с тобою. Жди помощь!» — «Брат! — приказал молвить Миндовг литовский. — Пусть будет так: шлю тебе полки свои».

В пути рассылали гонцов, сзывая ополчение:

— Доспевайте от мала и до велика, кто имеет коня и кто не имеет коня!

И те, что обитали окрест, приходили кто как обвуруженный: один — с рогатиной, с которой ходил на вепря и на медведя, другой — с топором, а третий — с одним, как бритва отточенным, засапожником.

Карпатские горцы — руснаки и гуцулы — рослые и могучие, но легкие поступью, в белых, без ворота, сорочках с вышивкой на плечах; в дубленых синих и красных шароварах; обутые в шерстяные чулки и в горные постолы — мягкие, чтобы нога «чула камень», чуяла каждую выбоину в скале; в горских плащах — чуганях, они по-горному были и вооружены: горянский топорик на длинном, крепком кию, а у пояса — булатное, в ножнах, кинжалище и длинное, свернутое в круг вервие — в горах, на кручах над бездною удерживать

¹ *Понизье* — область в бассейне реки Южного Буга, в противоположность нагорной Галиции.

друг друга, кидаючи аркан на камень и древо, в бою — на головы вражьи.

У иных были луки и стрелы.

Привел к Даниилу горцев старейшина их Андрей Дедива. Восьмой десяток был ему на исходе. Помнил старик Ярослава Осмомысла! А с великим Романом, отцом князя, ходил и на венгров, и на поляков, и на половцев, и в неисследимые леса и болота ятвяжские.

Привел старый Дедива князю троих сынов своих — крепких, молчаливых мужей, но, будто малые дети, повиновавшихся не только слову, но и взгляду, но и мановенью бровей отца своего.

А и те, что стояли за ним, — Гринь Береза, Кондрат Ковбасюк, Иван Колыска, Степан Попов, Ратибор Держикраич, все иные могучие горяне, или гуцулы, руснаки, или перемышляне, — чтили старика отца вместо, корились ему во всем.

Строен был, высок и еще крепок старик. Седые кудри ниспадали до плеч. Белые длинные усы опущены долу. Но тщательно выбриты худощавые щеки и подбородок.

— Княже и господине! — молвил он и вещим взором глянул в лицо Даниилу. — Своима очима видимо, своим сердцем чуемо: не токмо одежда твоя что наша, но и душа твоя! Данило Романовичу, княже добрый, правдивый, хочемо за Русскую Землю и за тебя, отца нашего и князя, головы свои сложити!

Даниил подошел к нему, подал руку и трижды поцеловал его.

Слезы блеснули на глазах горца. Он поднял левую руку свою над головой.

— Живи, господине, во веки веков! — грянули единым кликом руснаки и гуцулы.

Однако не ко всем таковым добровольцам с такой же добрыню, лаской и ягносердием отнесся князь, как к старику Дедиве и его горцам.

Вот дорогу княжескому коню смиренно заступила, кланясь в землю, целая толпа худо одетых мужиков-гуцулов. И эти

были добротный и кряжистый народ, не старики, не подстарки, хотя и вовсе без всякого оружия, голоруком.

Андрей-дворский выехал вперед из свиты князя навстречу этим людям. Осадил коня.

— О чем просите князя? — спросил он.

Старший из толпы, получше прочих одетый, в белой свитке, без шапки, уже зажатой в руке, поклонился дворскому до земли — скобка черных с проседью волос коснулась дорожной пыли.

Распрямясь, он взволнованным голосом, однако стройно и сжато, не сбивчиво, произнес сперва приветствие дворскому, а потом объяснил, что и он со своим народом тоже пришел застоять Русскую Землю от человекохищников и разбойников, — так он сказал: пришли кровь пролить на божьем пиру, а коли пришел час, то и костью пасть...

Сказал, и все, смолкнув, стали ждать ответа.

— Добре дело, — отвечал Андрей-дворский. — А что вы за люди? Откуда? Чьи будете — какого боярина?

Старший хотел ответить, но в это время рослый парубок, стоявший за его плечом, дернул его за рукав свитки и что-то предостерегающе прошептал.

Но вожак толпы лишь покачал на это головой и проговорил громко, истово:

— Нет, уж мы в такую годину, когда кровь свою отдать пришли на суд Божий, не станем лгать начальному человеку, княжому!..

Тут он, поклонясь, глянул смело в глаза Андрею-дворскому и спокойно и кратко изъяснил, что они все беглые смерды, покинувшие до срока и самовольно земли боярские, на коих были посажены. Были тут землепашцы разных бояр: и от Клименка с Голых гор, и от Доброслава бежавшие, и от Арбузовичей. Укрывались они в лесах и в горах, в труднодоступных дебрях, освоив там новые для себя пашни, на гарях и на чащобах.

На вопрос дворского, почему они в бегах, старшой сказал, что от лютости боярской: сыт боярин, ничем не живет, мало

что работой и поборами умучил, а еще и для охоты и облоги звериной, когда ему только надо, от пашни народ отрывает и по неделям держит в трущобнике.

— Ладно, — заключил дворский. — Станьте обсторонь дороги, а я доложу князю.

Он возвратился и сперва, решив схитрить немного перед князем в пользу этих людей, сказал лишь, что люди эти пахари, смерды, пришли оружия просить, хотят в битву.

Даниил испытующе глянул на Андрея Ивановича, почуяв по его голосу, что он нечто утаивает от него.

— Кто их привел? — спросил он дворского угрюмо. — Почему тиун боярский не с ними?

Бедный дворский только развел руками и договорил остальное, утаенное.

Князь нахмурился и, ничего ему не ответив, тронул коня.

Дворский, поспевая за князем, привставая на стременах, старался разглядеть, что делают и где стоят вновь прибывшие.

Они стояли в сторонке от дороги, чинно.

Тогда Андрей-дворский в полуголос, но с расчетом, чтобы слышать было и Даниилу Романовичу, произнес, как бы восхищаясь и сожалея:

— И до чего народ всё могутный!.. Глядят смело... Такой пластанет врага — на́ полы до седла раскроит!..

Даниил угрюмо молчал, утупясь в гриву коня.

Они на рысях проехали мимо новых пришельцев. Князь не обратился к ним.

Дворский не выдержал.

— О-ох, Данило Романович! — почти простонал он. — И до чего народ к топору добрый — как на подбор. Покрой ты их своей княжеской милостью: вели в бою умереть. Умрут!..

Князь гневно к нему оборотился. Лицо его пылало.

— Оставь! — прикрикнул он на дворского. — Недоброугодное молвишь!.. Ты кто?.. — как бы грозно спросил он дворского. — Ты должен сам понимать: каждая держава своим урядом стоит! И этого уряда не должен сам князь рушить!..

АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИЧ ЮГОВ

РАТОБОРЦЫ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.05.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-38265-01-R